Индонезии продают оружие многие страны. Но все они так или иначе включают в контракты пункт, что Индонезия (страна, мягко говоря, не вполне демократическая) обязуется не использовать это оружие во внутренних конфликтах. По идее нарушение условий контракта должно приводить к прекращению поставок, однако на деле так, конечно, происходит не всегда. В апреле 2002 г., во время визита в Москву президента Индонезии Мегавати Сукарнопутри, речь шла о масштабных закупках российской военной техники, включая истребители, вертолеты и бронетранспортеры. Это было объявлено большим успехом российских оружейников: до сих пор на индонезийском оружейном рынке доминировала Америка. Однако после резни в Восточном Тиморе в 1999 г. конгресс США запретил продажу оружия Индонезии. Так что, возможно, в лице президента Путина президент Сукарнопутри просто нашла более покладистого партнера.

«Еженедельный журнал»,
М., 2003 г., № 20(71), с. 48–50.

Юрий Савенков,
публицист

ДВОРЦОВЫЙ МАТРИАРХАТ В ЗНОЙНЫХ ШИРОТАХ

Южная и Юго-Восточная Азия, где традиционно доминировали мужчины, дала женщин-президентов и премьеров куда больше, чем остальной мир. Как правило, это дочери лидеров. Такой азиатский феномен специалисты называют «дворцовым матриархатом в знойных широтах».

Мегавати Сукарнопутри — застенчивая леди

«Застенчивая леди», как называют Мегавати, неуютно чувствует себя на митингах и вообще старается быть за кадром, избегает открытой полемики по острым политическим проблемам, воздерживается от публичных высказываний, предпочитая делать это через доверенных лиц из ближайшего окружения. Но в июле 2001 г., принимая присягу в качестве пятого президента Индонезии, она нашла верные слова: призвала соотечественников отказаться от вражды, забыть распри и ссоры. Она не упоминала имени своего отца, но люди с хорошим слухом поняли: дочь хочет продолжить его дело. В поисках национальной

идеологии этот харизматический лидер обращался к разным источникам: Декларации независимости США, канонам ислама и христианства, марксизму, но неизменно говорил о приоритете национальной самобытности. «Готонг-ройонг» (жить вместе, работать вместе и помогать во всем друг другу) — таков был извечный принцип индонезийцев.

Наследница Сукарно, отца-основателя независимой Индонезии, который до сих пор популярен в народе, стала верховным лидером. По традиции яванской культуры она стала воспринимать себя Королевой справедливости, поверила в свою миссию. А ореол несправедливо обиженной сделал ее популярной в народе. Многие называют ее «матерью нации», видят в ней спасительницу Индонезии. Здесь до сих пор идеализируют отца-основателя, а в Мегавати видят тень легендарного Сукарно. «После жесткого авторитарного стиля Сухарто нам так нужны мягкость и женская ласка», — заметил один обозреватель. В начале ее карьеры говорили: если Мегавати снизит лишь на несколько градусов повышенную температуру в стране, где бушуют межэтнические и межрелигиозные конфликты, грозящие стране дезинтеграцией, это уже будет благо для Индонезии.

Но у любой эйфории короткий век. И Мегавати предстоит справиться с сонмом проблем и доказать свою состоятельность. О лидере, который рискнул взять на себя бремя ответственности в трудноуправляемой стране с бесконечным многообразием этносов и конфессий и отчаянными перепадами в уровне социального развития, в Индонезии говорят: «Ищет носорога, чтобы взвалить себе на плечи». В русском варианте звучит не менее вызывающе: «Не было у бабы хлопот — купила порося». Аналитики дают противоречивые оценки 22 месяцам правления Мегавати. Те, кто ждал молниеносных изменений, прежде всего улучшения незавидной доли бедных, разочаровались: до выхода из кризиса еще далеко. Но уровень политической, экономической и социальной стабильности стал все-таки выше. Снизился дефицит бюджета. Наконец-то заключено долгожданное соглашение с главным кредитором — МВФ — о предоставлении финансовой помощи. Сукарнопутри ведет тонкую игру с МВФ. Повысишь цены на горючее, тарифные ставки на электроэнергию и телефонную связь, чтобы по требованию МВФ приблизить их к мировым ценам, — вызовешь вспышки недовольства населения. Заморозишь цены — не получишь очередной транш. И она выбрала тактику компромисса: цены повышаются поэтапно и не столь масштабно.

Кстати, в делах экономических Мегавати не следует примеру отца. Сторонница открытой экономики и иностранных инвестиций, она создала кабинет министров не по партийному, а по профессиональному принципу. (Сукарно считал своей миссией пробудить в людях чувство национального достоинства после долгих лет колониального господства и унижения, был убежден, что любой капитализм отягощает участь людей, и презирал экономику, называя ее «наукой для бухгалтерских душ».) А вот в государственности она солидарна с отцом. Мегавати — сторонник унитарного государства и не допускает мысли о возможности федеративного устройства, убеждая сепаратистов согласиться на расширенную автономию. Выступает она и за сохранение армии как института, «скрепляющего нацию». Армия привыкла играть доминирующую политическую роль в обществе, и, на взгляд президента, процесс вывода военных из гражданской сферы по мере развития демократии должен идти постепенно. Налаживая отношения с генералами, она, конечно, помнит о незавидной доли отца, которого военные отстранили от власти в середине шестидесятых годов прошлого столетия.

По замыслу отцов-основателей независимой Индонезии каждый гражданин должен иметь своего Бога. Это предполагает веротерпимость и отказ от одной официально господствующей религии. В стране доминируют мусульмане (в подавляющем большинстве сторонники умеренного ислама), но немало приверженцев христианской веры, буддизма, своеобразной формы индуизма, многочисленных племенверований. Национальный девиз — «единство в многообразии». Но исламский фактор играет огромную роль. И Мегавати из тактических соображений, конечно, сотрудничает с ортодоксальными мусульманскими кругами. В противодействии международному терроризму она балансирует между собственными исламскими радикалами и острой потребностью в западной экономической помощи. Она набрала политические очки благодаря успешному расследованию террористического акта на острове Бали и роспуску двух экстремистских группировок.

В то же время она назвала вторжение в Ирак «откатом в темные века», обвинив США в действиях с «позиции грубой силы». Она хорошо помнит, как незадолго до выборов президента лидер одной из мусульманских группировок в язвительной форме выразил сомнение в шансах Мегавати стать главой государства. «Неужели страна, в которой большой процент населения исповедует ислам, возжелает президента —

приверженца индуизма?» Он, однако, передергивал факты. Бабушка Мегавати по отцовской линии действительно была из семьи брахманов — высшей жреческой касты и прислуживала в индуистском храме на острове Бали, но вышла замуж за приверженца ислама. Истинными мусульманами были родители Мегавати. А Сукарно утверждал даже, что «он в семь раз религиознее, чем любой другой мусульманин», так как он совершил хадж в Мекку в пятницу — святой для любого мусульманина день, и поэтому получил звание великого хаджи. Но религиозным фанатиком Сукарно не был. И дочь унаследовала это качество.

Большинство аналитиков убеждены: сегодня она по-прежнему самый популярный политик в Индонезии, серьезного конкурента в борьбе за президентское кресло на выборах 2004 г. на горизонте не видно.

Индира Ганди и Беназир Бхутто

Но, пожалуй, самые яркие примеры феномена отца в странах Южной и Юго-Восточной Азии — Индира Ганди и Беназир Бхутто. Обеих отцы готовили к служению нации. Когда Индира Ганди после смерти Джавахарлала Неру, первого премьера независимой Индии, сменила его на этом посту, мало кто верил, что это надолго, но Индира 11 лет подряд возглавляла правительство, пережила раскол в партии, несправедливые обвинения, конфронтацию с фанатиками, проиграла и вновь стала премьером. В одном социологическом опросе большинство индийцев назвали ее «самым вдохновляющим лидером Индии», отдав предпочтение даже перед «отцом нации» Махатмой Ганди и ее отцом Джавахарлалом Неру. Вспоминали такой эпизод. Когда в Бихаре 11 человек из низших каст были заживо сожжены во время межобщинной резни, Индира Ганди восемь часов ехала по бездорожью верхом на слоне, чтобы утешить родственников жертв этой трагедии. Ее называли «матерью Индии».

Беназир Бхутто, о которой говорят, что она рождена властвовать, выполнила завет отца Зулфикара Бхутто, первого демократически избранного президента Пакистана, казненного диктаторами, и стала первой в мусульманском мире женщиной-премьером. Сейчас она живет в Лондоне, заочно обвиненная в использовании государственных средств в личных целях и вывозе из страны десятков миллионов долларов. Бхутто отвергает все обвинения. Словно злой рок преследует семейство Бхутто. Беназир пережила казнь отца, смерть братьев (каждый раз при

загадочных обстоятельствах), тюрьму, ссылку, дважды отставку. Но «железная леди» не сдается. Недавно избранная пожизненным лидером Пакистанской народной партии, все еще верит в свою звезду и думает триумфально вернуться на родину, возглавив движение за восстановление демократии, бросив вызов генералу Первезу Мушаррафу, совершившему военный переворот. Когда Беназир попросили назвать самое главное ее достижение, она ответила: «После того как меня избрали премьером, каждая женщина в Пакистане имеет моральное право чувствовать себя равной с мужчиной».

В другой стране южноазиатского континента, Бангладеш, главные действующие лица в политической борьбе — дочь и супруга убиенных лидеров страны. В феврале 1998 г. премьер-министр Хасина Вазед, дочь казненного Муджибура Рахмана, первого президента провозглашенного в 1971 г. нового государства, на стадионе населенного пункта в Читтагонгском горном районе выпустила в небо стаю голубей после того, как Шанту Ларка, возглавлявший борьбу повстанцев из племени чакма против правительства, торжественно передал ей автомат Калашникова. Так была подведена черта под продолжавшейся четверть века войной чакма за независимость в стратегически важном районе, граничащем с Индией. Сепаратисты получили политическую и экономическую автономию, а их лидеры — контроль над местной администрацией. Оппозиционная Националистическая партия во главе с Халедой Зия, супругой убитого президента Зяура Рахмана, обвинила правительство в том, что оно отдало на откуп бывшим мятежникам природные богатства края: леса и минеральные ресурсы. Халеда Зия даже угрожала начать кампанию по дискредитации правительства. Но вот теперь она стала премьером, отправив в оппозицию Хасину Вазед, и ее отношение к примирению изменилось: плохой мир лучше. Такова логика политической борьбы между двумя элитами в Бангладеш, одной из самых монолитных в этническом отношении стран. 98% населения — бенгальцы, в подавляющем большинстве исповедующие ислам. Именно бенгальцы, переселившиеся в эти горные районы с равнин, были жертвами вылазок боевиков чакма, которые исповедуют буддизм. Бенгальцев они считают нежелательными пришельцами.

* * *

Итак, преданность отцу стимулировала появление мадонн в политике стран Южной и Юго-Восточной Азии, но нередко здесь

действует феномен мужа. Этот феномен родился 20 июля 1960 г. на Цейлоне, изумрудном острове в Индийском океане, у южной оконечности южноазиатского субконтинента. В государстве, именуемом теперь Шри-Ланкой, появилась первая в мире женщина премьер-министр. Это случилось за девять лет до триумфа Голды Меир в Израиле и за 19 лет до начала трех сроков премьерства британской «железной леди» Маргарет Тэтчер. В это время в Европе феминистки вели бурные кампании за равные права с мужчинами в социальной жизни нередко весьма экстравагантно, публично сжигая, например, бюстгальтеры. «Но мечта суфражисток сбылась на Востоке», — так на другой день комментировала событие лондонская «Ивнинг ньюс».

Сиримаво Бандаранаике — домохозяйка, мать троих детей, никогда прежде не занимавшаяся политикой, в 1959 г., после убийства буддийским монахом-фанатиком ее мужа Соломона Бандаранаике, возглавлявшего правительство, стала председателем Партии свободы Шри-Ланки, победила на выборах, заняла пост премьера, затем стала лидером оппозиции. Нелегкая ей досталась доля: в ходе внутриполитической борьбы она была лишена политических прав и мандата депутата парламента, затем была восстановлена в правах, проиграла президентскую гонку и, наконец, передала руководство партией дочери Чандрике Камаратунге, которая победила на выборах и теперь занимает высший пост президента.

Именно во вдовьем трауре вошла в политику и Корасон Акино, жена убитого в 1983 г. лидера оппозиции филиппинского диктатора Маркоса. В результате народного восстания против диктатора, приостановившего действие Конституции, она стала президентом и пережила шесть попыток государственного переворота. И сейчас играет серьезную роль в обществе, возглавляя вместе с главой католической церкви движение «Власть народа», которое способствовало победе Глории Макапагал.

Вдова Раджива Ганди — итальянка Соня возглавила семейный клан Неру—Ганди, без которого нельзя представить историю Индийского национального конгресса (ИНК), старейшей партии, которая привела страну к независимости. Джавахарлал Неру, сын одного из лидеров освободительного движения, стал первым премьером. Его сменила дочь, Индира Ганди, после ее гибели пришел сын Раджив. И когда ИНК впервые вышел на выборы без лидера из политической династии Неру—Ганди, которая за годы независимости лишь пять лет не была у власти, партия потерпела сокрушительное поражение. И тогда

ветераны стали умолять вдову поднять упавшее знамя династии. Она вступила в ИНК, а затем стала лидером партии. Успехи ИНК пока ограничиваются лишь местными выборами. Но Соня намерена дать бой индуистскому национализму, призывает к единству нации и возвращению к заветам отцов-основателей республики.

На нападки недоброжелателей, отвергающих иностранку по крови в возможной роли премьера, она отвечает с достоинством: «Я ни на йоту не чувствую себя итальянкой, люблю Индию и ее народ. Индия — в моем сердце». Кстати, индийские крестьянки называют ее «баху» — сноха. Она в совершенстве говорит на хинди, ей легко объяснить крестьянкам, что она до сих пор оплакивает гибель мужа. По древним индуистским традициям, муж и жена — одно целое.

Чем же объяснить, что Южная и Юго-Восточная Азия дали женщин-президентов и премьеров гораздо больше, чем остальной мир? А ведь в азиатском обществе всегда девочкам предпочитали мальчиков. Страстное желание иметь сына было неотъемлемой частью восточной культуры. Большинство политологов склонно видеть причину феномена в традиционной преданности восточной женщины. А поскольку власть в азиатском обществе часто носит клановый характер, тот, кто манипулирует политическими процессами, нередко смотрит на женщин, как на подставных лиц, которые будут исполнять их волю. Ведь им по традиции предназначено служить мужчине. Яркий пример Индиры Ганди, проводившей в высшей степени самостоятельную политику, показывает: манипуляторы часто ошибаются.

Те, кто глубоко изучает цивилизации Востока, дают феномену более интересное объяснение. Нельзя недооценивать пассионарность восточной женщины. В ней всегда дремали нерастраченные силы. Да и история взаимоотношений женщины и мужчины на Востоке куда многообразнее. В хинаяне — ветви буддизма, доминирующей на Цейлоне, — нет деления на лиц первичных и вторичных. А в Древней Индии был распространен брак по принципу «сваямвара», когда невеста сама выбирала себе жениха. Между прочим, Джавахарлал Неру называл Индиру «маленьким мудрецом». У Сони Ганди двое детей — сын и дочь. Но именно о дочери Приянке говорят как о потенциальном лидере. А в семье Бхутто всегда советовались с Беназир по главным проблемам. Кстати, в исламских странах в женщине видят нечто таинственное, сокровище, которое надо оберегать. Наделенная интуицией, женщина смотрит на политику, как на творчество, вкладывая в нее порой романтическое, а то и эротическое начало. Вот как рассуждает героиня

романа Рабиндраната Тагора «Дом и мир»: «Я испытывала величайшую радость от сознания, что отдаю всю себя без остатка служению родине. Я на опыте познала, какое блаженство дает человеку полное самопожертвование».

«Новое время», М., 2003 г., № 27, с. 26–30.

Ю.Сумбатян,
доктор философских наук

БЕСПРЕДЕЛ ТЕРРОРИЗМА

В новое тысячелетие человечество вступило с тяжелым грузом старых проблем и так называемых новых вызовов и угроз. Одним из них является терроризм в самых различных формах и проявлениях. Терроризм — явление многоплановое: в нем переплелись политические, правовые, психологические, философские, исторические, технологические и иные аспекты. Не случайно мировому сообществу так и не удалось выработать общеприемлемое определение этой важной политической категории.

Террор был распространенным инструментом борьбы революции и контрреволюции в период глубоких потрясений общества. Известный российский исследователь А.Кива отмечает несколько, по его мнению, причин эскалации терроризма:

– неблагополучие в обществе или системе международных отношений (тирания, насилие, военная агрессия, конфликты, локальные войны и т.д.);

– реакция на вестернизацию и особенно американизацию общественной жизни в мусульманских странах, где сильны исламская религия и традиции;

– наличие ложной, утопической, нередко дикой идеологии, которая оплодотворяет терроризм как средство борьбы с современной цивилизацией прежде всего исламского фундаментализма.

Можно было бы дополнить этот ряд: конфликт между различными идеологиями, политическими и религиозными мировоззрениями, кризис современных цивилизаций, борьба «обездоленных» в странах Азии, Африки и Латинской Америки против постиндустриальных «богатых» и «благополучных» народов Запада и США, конфликты и столкновения между собой сторонников глобализма и антиглобализма. Все это тоже способствует появлению миграционных волн. Так что же считать